

Глава 18

На небольшом портрете была запечатлена женщина с искусно уложенными волосами, в алых одеждах и с драгоценными шпильками в причёске. Она нежно прижимала к себе сына. Лян Чунгуан стремительно подобрал рисунок и всмотрелся в него ещё раз, окончательно убеждаясь в своей догадке.

Лицо его исказилось от потрясения. Он быстро подошёл к Цзи Хуайчжэню и, понизив голос до свистящего шёпота, потребовал ответа:

— Как это можешь быть ты? Где господин Лу?.. Что вы затеяли?! Цзи Хуайчжэнь, это же... это сущее безумие!

Он на миг запнулся, а затем добавил:

— Значит, тот человек был не Саньси? Он не твой слуга?

Видя, что тайна раскрыта, пленник перестал притворяться. На его губах заиграла холодная усмешка.

— Ну, я это, и что с того?

Он в упор уставился на Лян Чунгуана яростным взглядом. Одна мысль о том, почему этот офицер с первого взгляда узнал Цзи Ванься, приводила его в бешенство. В памяти всплыли столичные слухи о том, что маленький А Цюань совсем не похож на императора... Гнев захлестнул мужчину: он готов был четвертовать капитана на месте. Забыв, что тот только что спас ему жизнь, он заговорил ядовито и желчно:

— А у господина Ляна острый глаз. Столько лет прошло, а ты всё так же раскатываешь губу на лебедя? А ну, положи портрет моей сестры! Посмотри на себя — кто ты такой, чтобы пялиться на неё? И не вздумай надеяться на мою благодарность только потому, что не дал меня прирезать.

Слова его были гнусными и полными злобы. Даже будучи прикованным и избитым, он умудрялся вести себя высокомерно и заносчиво, совершенно не зная меры в своём безрассудстве.

Лян Чунгуан смотрел на него, и в его душе росло глубокое отвращение.

— Вы из одной семьи, — наконец произнёс он, — но как же ты не похож на свою сестру.

Услышав, что тот смеет поминать императрицу, Хуайчжэнь вспыхнул ещё сильнее. Поток

ругательств и оскорблений посыпался из него, не зная преград.

Капитан был человеком честным и считал свою совесть чистой, а с таким человеком ему и вовсе было не по пути. Однако дело касалось государственного преступника: как Лу Шии внезапно превратился в Цзи Хуайчжэня? Будь он хоть трижды мудрецом, офицер не смог бы догадаться, что этот обмен личностями был санкционирован самим императором. Ему оставалось лишь оставить узника под стражей, дожидаясь, пока тот исчерпает запас своей желчи.

Внезапно в дверях появился стражник.

— Докладываю капитану Ляну! У нас прорыв!

Лян Чунгуан изменился в лице. Он быстро спрятал портрет Цзи Ванься обратно в ворох одежды пленника и стремительно вышел наружу.

Он с трудом поднял веки, глядя вслед ушедшему офицеру. Все, кто сопровождал его в Фэньчжоу, были убиты при захвате. Лишь Бай Сюэ удалось спастись, так как она ушла преследовать Лу Сяоцзя.

Мужчина не знал, где она сейчас, и лишь на семь частей из десяти верил в то, что она придёт за ним. Но если бы оправдались остальные три части, он бы не стал её винить.

Тот самозванец, что прикидывался Саньси, наверняка засел здесь в засаде давным-давно. Увидев, как Хуайчжэнь прорывается сквозь кордон, он вмешался лишь из страха, что добыча ускользнёт от капитана Ляна.

Выходило, что даже этот пожар был просчитан Лу Шии. Указ подготовили заранее, выжидая удобного момента. Оставалось лишь гадать, сколько в этом деле было участия Первого принца и самого государя.

«Сам виноват. Ошибся в расчётах, отстал на шаг и оказался здесь. Поделом мне, — отрешённо подумал Хуайчжэнь»

Он продолжал висеть на балке, губы его приобрели серовато-белый оттенок. Боль притупилась: когда болит всё тело, кажется, что не болит ничего. Разбитые лодыжки безжизненно волочились по полу под неестественным углом. Голова становилась всё тяжелее, а по телу разливался смертный холод.

В этот миг, балансируя на грани жизни и смерти, он думал не о сестре, не об А Цюане и не о Террасе Тающего Золота. В сознании его, вопреки всякой логике, всплыл образ того глупого

мальчишки по имени Яньчи.

«Увидел бы он меня сейчас... наверняка бы в ладоши захолопал от радости»

Похоже, пророчество Лу Сяоцзя о тюремных застенках сбылось в полной мере. Сознание пленника начало угасать, голова бессильно склонилась набок.

— Господин? Господин Лу...

В полузабытьи ему почудилось лицо Лу Сяоцзя.

— Господин Лу!

Хуайчжэнь вздрогнул и, собрав остатки сил, сфокусировал взгляд. Это действительно был Лу Сяоцзя, не галлюцинация!

Даос был во всём белом, волосы его были небрежно заколоты на затылке обычной веткой, а за спиной висел длинный меч. Он походил не на монаха, а на вольного фехтовальщика, гуляку-мечника, что с воровским видом заглядывал в его камеру.

Улыбка гостя была полна злорадства:

— Это всё потому, что господин не слушал бедного даоса. Сбежали бы пораньше — не пришлось бы терпеть эти побои!

— Разболтался... — слабо усмехнулся Хуайчжэнь. — Пришёл мстить за своих учителей?

— Ждите здесь, господин, я стащу ключи, — Сяоцзя на миг задумался и добавил: — И ваш молодой господин тоже здесь.

Тот замер. Ему потребовалось несколько долгих секунд, чтобы осознать смысл услышанного.

Яньчи? Он тоже здесь?

Разве он не должен был радоваться его падению? Зачем ему спасти своего мучителя?

Первым делом мужчина заподозрил подвох. После всего, что он сделал, юноша добровольно явился на выручку... Неужели он тоже хочет что-то выгадать?

Но затем пришла иная мысль: тот, кого спаситель пришёл выручать — это Лу Шии, а вовсе не

Цзи Хуайчжэнь. Снова он обманулся в собственных чувствах.

Ему захотелось рассмеяться. Лу Ши мог просчитывать ходы небес и земли, но даже он не предвидел иронии судьбы: его идеальный план рухнул из-за мимолётной интрижки, которой он когда-то распорядился от скуки.

Пока Лу Сяоцзя, крихтя, искал ключи на полу, в коридоре показался Яньчи. За ним следовал Шаобин, младший ученик. Судя по их виду, они только что выдержали жестокий бой: клинок в его руках был залит кровью, а сам он дышал яростью. Не тратя времени на поиски ключей, юноша одним мощным ударом разрубил замок темницы. Эта дикая, первобытная сила заставила Лу Сяоцзя в изумлении раскрыть рот.

Спаситель поднял взгляд на Хуайчжэня и, окутанный аурой жажды крови, шагнул к нему.

Они молча смотрели друг на друга. Пленник не проронил ни слова, а Яньчи с застывшим, каменным лицом отвёл взгляд в сторону — вид у него был такой, будто ему задолжали кучу денег. Он не заметил, что лодыжки Хуайчжэня раздроблены, и просто перерубил верёвку. В ту же секунду силы окончательно оставили узника, и он повалился вперёд.

Тот инстинктивно подхватил его.

Хуайчжэнь оперся на юношу, пытаясь удержаться на ногах, и выдавил улыбку:

— Ноги сломаны. Не стоят.

Он говорил легко и небрежно, будто речь шла о чьих-то чужих ногах.

Яньчи смотрел на его посеревшие, сухие губы и молчал, не в силах вымолвить ни слова. Его взгляд скользнул по плечу раненого: там, помимо развороченной раны от стрелы, виднелись десятки глубоких рубцов от плети, тянувшихся до самого живота. На его груди и спине не осталось ни одного живого места. Всего несколько дней назад этот человек был на вершине власти, а теперь превратился в обрубок, жизнь которого зависела от «глупого мальчишки», над которым он так издевался.

— Если тебе противно, просто брось меня и уходи, — прошептал Хуайчжэнь, обливаясь холодным потом, но голос его оставался спокойным, будто и не было никаких пыток.

— Если не замолчишь, никто не подумает, что ты немой, — ледяным тоном отозвался юноша.

Лицо его было мрачнее тучи. Он обернулся и подозвал Лу Сяоцзя.

Даос, замороженно наблюдавший за этой сценой, вздрогнул. Младший брат Шаобин вдруг

вставил:

— Старший брат Сяоцзя, а они сейчас не как муж с женой ссорятся?

— Младший брат Шаобин, если видишь, что супруги бранятся, зачем лезть с комментариями? Будешь болтать — брат Яньчи тебе бока намнёт, — Лу Сяоцзя нехотя подошёл ближе.

Под суровым взглядом спасителя он был вынужден согнуться и подставить спину, чтобы нести раненого. Мальчику же велели забрать одежду.

Шаобин переводил взгляд с одного на другого и, глядя на потемневшее лицо Яньчи, простодушно спросил:

— Послушай, а почему ты сам не несёшь свою жёнушку?

Тот промолчал. Хуайчжэнь тоже не проронил ни звука. Лу Сяоцзя, будто читая их мысли, пустился в объяснения:

— Эх, Шаобин, ничего-то ты не смыслишь. Войти сюда было легко, а выйти — задача посложнее. Как брат Яньчи будет сражаться, если у него на спине будет висеть жена? А если он не будет сражаться, как он её вытащит?

Хуайчжэнь искоса взглянул на своего спасителя.

Тот угрюмо шёл впереди, ни разу не удостоив его взглядом. Он держал клинок наготове, сбивая попадавшихся на пути тюремщиков рукоятью. Присев у одного из бесчувственных тел, юноша ловко обшарил карманы, забрав огниво и кинжал. Группа ускорила шаг, даже даос перестал паясничать.

Дыхание Хуайчжэня становилось всё более тяжёлым и хриплым. У него не осталось сил даже на то, чтобы обхватить шею даоса, и Шаобину пришлось подталкивать его сзади, чтобы тот не соскользнул на пол.

— Брат Яньчи, куда нам теперь? У господина Лу, кажется, жар.

Тот на миг замер, сдержал порыв обернуться и холодно ответил:

— Ищу конюшни. Без лошадей нас быстро настигнут. Ты знаешь, где они?

— Бедный даос — законопослушный человек! — возопил Лу Сяоцзя. — Откуда мне знать такие злачные места!

Яньчи, не дожидаясь помощи, прижал два пальца к губам и резко свистнул. Где-то неподалёку раздался ответный свист. Он свистнул ещё раз.

Юноша жестом велел остальным укрыться за стеной, а сам настороженно огляделся. Через мгновение по крыше промелькнула тень, и прямо перед ними спрыгнула Бай Сюэ. Она была в своём привычном дорожном костюме, а чтобы волосы не мешали в бою, сорвала парик, обнажив коротко стриженную голову. Лу Сяоцзя, впервые видевший её в таком обличье, охнул и выронил из рук раненого.

От этого падения Хуайчжэнь едва не расстался с остатками жизни.

В глазах Яньчи наконец промелькнуло беспокойство, но он не успел подбежать к нему. Юноша яростно крикнул спутнице:

— Ложись!

Бай Сюэ бросилась на землю.

В то же мгновение Яньчи, вложив всю силу своих мощных рук, метнул свой тяжелый клинок, словно огромный дротик. Оружие, вращаясь со свистом, пронеслось прямо над головой девушки и пригвоздило к стене врага, собиравшегося выпустить стрелу. Удар был такой силы, что лезвие вошло в камень наполовину.

Он подбежал к убитому и забрал его лук и колчан.

— Господин!

Девушка бросилась к ним. Она уже успела разведать путь к конюшням и вывела трёх коней.

Тот поднял Хуайчжэня, чтобы усадить в седло, но раненый, словно лишённый костей, тут же начал сползать вниз. У него не было сил даже на то, чтобы ухватиться за поводья. Ему пришлось сесть в седло самому и прижать мужчину к себе, усадив боком. Он наспех обвязал их обоих своей одеждой, чтобы Хуайчжэнь не выпал.

Бай Сюэ посмотрела на Лу Сяоцзя:

— Ездить верхом умеешь?

Тот взглянул на Яньчи и Хуайчжэня, сидевших в обнимку, и с надеждой произнёс:

— Нет.

Она была решительна:

— Вот и славно. Останешься прикрывать отход.

— Бедный даос внезапно вспомнил, как это делается! — выкрикнул Лу Сяоцзя.

Впятером на трёх лошадях они рванули прочь из темницы.

Лян Чунгуан со своими людьми не отставал. У них было время, а вот у Хуайчжэня его не оставалось вовсе. Его лицо пылало, побои повредили нутро, и от бешеной скачки он начал харкать кровью.

Юноша вздрогнул. Отбросив осторожность, он бросил поводья и начал управлять конём, сжимая его бока коленями. Он вскинул лук, но стрелял только по плечам преследователей, выбивая их из сёдел. Когда тот прицелился в Лян Чунгуана, Хуайчжэнь из последних сил прохрипел:

— Не убивай его... он не станет больше преследовать.

Дело было не в милосердии: Лу Шии явно опасался этого офицера, а значит, Лян Чунгуан мог ещё пригодиться. Яньчи опустил лук, и погоня действительно прекратилась. Три всадника скрылись в густой чаще леса, где их было уже не найти.

— Брат Яньчи! Стой, так дело не пойдёт! Твой спутник, кажется, отдаёт концы, ему нужен лекарь!

Лицо Бай Сюэ побледнело:

— О чём ты бормочешь, проклятый даос?

Лу Сяоцзя резко натянул поводья:

— Ещё немного — и мы выедем из Фэньчжоу. А там на десятки вёрст ни души. Где ты там лекаря найдёшь?

Он наконец решился взглянуть на Хуайчжэня. Лоб того был раскалённым, будто охваченный невидимым пламенем.

Она быстро приняла решение:

— Яньчи, доверяю господина тебе. Я умею менять обличья, попробую увести их за собой.

Доставь его в Вэньян, там и встретимся. Прошу тебя в последний раз... Если потом не захочешь иметь с нами дел — воля твоя.

Девушка была уверена, что тот не бросит его. Развернув коня, она умчалась прочь, подняв столб пыли. Лу Сяоцзя в нерешительности посмотрел на раненого и изрёк с пафосом:

— Жизнь спасти легко, истинную любовь найти трудно. Госпожа Бай Сюэ совсем одна, сердце моё не выдержит... Раз господин ещё дышит, то я, пожалуй...

— Проваливай, — беззлобно бросил Хуайчжэнь.

Даос вместе с Шаобином, не теряя ни секунды, припустили вслед за ней.

Лоб Хуайчжэня покрылся крупными каплями пота. Дрожа всем телом, он спросил Яньчи:

— Кости вправлять умеешь?

Тот помедлил мгновение и кивнул.

— Только... не вздумай мстить... — слабо прошептал раненый.

Лицо юноши снова помрачнело. Смерив мужчину сложным, нечитаемым взглядом, он развязал одежду, которой они были скреплены, и осторожно снял его с коня.

Хуайчжэнь не стал жеманиться — этот человек и так видел каждую пядь его тела. Вот только в последний раз, когда тот так же бережно держал его ступни, они были в постели. Тогда они были близки, а мир казался иным. Кто бы мог подумать, что после всех оскорблений его жизнь снова окажется в этих руках.

Действительно, судьба — капризная штука.

Яньчи обхватил его лодыжку и сухо бросил:

— Терпи.

Видя, что тот всё ещё готов с ним разговаривать, Хуайчжэнь не удержался от шпильки:

— Совсем не помнишь зла... Почему ты такой добрый? Я ведь так с тобой поступил, а ты...

Договорить он не успел. Раздался хлесткий костяной хруст. Острая, пронзительная боль ударила в самый мозг, и мир для Цзи Хуайчжэня окончательно погрузился во тьму.

<http://bllate.org/book/15318/1411178>